



СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 7

1 АПРѢЛЯ

1908 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ III

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

А. Нуринъ. „Слонъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Н. Манасвина. Разсказы для дѣтей. Иллюстраціи художниковъ: *Т. Гиппиусъ*, *В. Замирайло*, *А. Линдеманъ*, *А. Мурашко*, *М. Сабашниковой*, *П. Соловьевой*, (*Allegro*) и *Е. Чичаговой*. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

П. Соловьевой (*Allegro*). „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиппиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.

М. С. Безобразова. „Исторія одного воробья“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

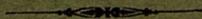
В. П. Поливанова. Разсказы „Воронъ“. — „Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

Анатолий Франсъ. „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасвиной*. Съ иллюстраціями *Allegro*. Цѣна **25** коп.

Allegro. **Открытки въ краскахъ.** „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчицамъ «Тропинки» за **25** к.

В. Малахѣва-Мировичъ. „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.

О. Бяляевская. „Балетъ“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.



Выписывающіе книги и открытки черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

1908 годъ

Апрѣль № 7.

ЖУРНАЛЪ

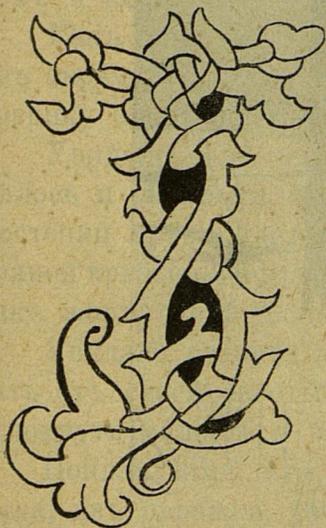
ТРОПИНКА.



Содержаніе.

1. Золотые человѣчки—стихотвореніе *О. Бьялевской.*
2. Веснянка—*Н. Манасеиной.* Рисунокъ *О. Михайловой.*
3. Наша груша (со словинскаго)—стихотвореніе *Н. Новица.*
4. Кошка, ходившая въ одиночку—*Киплинга.* (Окончаніе). Съ рисункомъ автора.
5. Забытыя игры—*Н. Трошцаго.*
6. Испанскія дѣтскія пѣсенки—*К. Бальмонта.*
7. Моль—*К. Соколова.*
8. Рѣшеніе ребуса № 2.
9. Народныя загадки.
10. Объявленія.





Золотые человѣчки.

Котику Шутьженко.

Ы не спишь и просишь сказки...
Посмотри-ка, отъ свѣчи—
Ты прищурь немного глазки—
Видишь? Тянутся лучи.
Это свѣтлыя дорожки
Въ царство грезы, въ царство сна.
Если ночь глядитъ въ окошки,
Непогожа и темна,
Отъ огня чудесной свѣчки

По дорожкамъ этимъ къ намъ
Золотые человѣчки
Прибѣгаютъ. По ночамъ
Любо пѣть имъ и рѣзвиться
Надъ постелькою твоей,
На плечо къ тебѣ садиться,
Путать шелкъ твоихъ кудрей,
Шелковистыя рѣсницы
Ручкой нѣжною ласкать,
Сновъ прозрачныхъ вереницы
Заплетать и расплетать.

О. Бѣляевская.



Въ февралѣ, какъ всегда, на самое Срѣтенье, вздумалось
веснѣ по землѣ прогуляться. Долго спала она въ своемъ
герему высокомъ, изукрашенномъ, а какъ проснулась, сразу
сунула руку подъ изголовье. Тамъ у нея лежала связка съ
ключами отъ земли да облаковъ. Подумала она эти ключи

съ собой захватить, подумала и сейчас же отдумала. Что-то тяжела ей связка со сна показалась.

— Такъ, налегкѣ пройдуся, посмотрю, что и какъ тамъ. Посмотрю и за ключами вернусь, если отмыкать пора. — На томъ и порѣшила.

Какъ травинка, тонкая, какъ былинка, слабая, вышла весна изъ терема, спустилась съ крылечка бѣлостекольчатого по коврику самотканному. Здѣсь ее солнышко увидало.

Увидало солнышко весну и съ радости великой все загорѣлось и распрыгалось. Такъ и прыгаетъ, такъ и горитъ, а мосточки хрустальные, что по рѣкѣ вокругъ терема съ серебряной крышечкой и золотой маковкой были перекинута, сразу, какъ жаръ птица, вспыхнули.

Увидала старуха зима, что вдали что-то свѣтится. Уставать отъ своей работы стала старая, прилегла въ овражекъ отдохнуть малость, и вдругъ—свѣтъ небывалый.

Поняла зима, что неладное случилось, про усталость забыла, изъ овражка, точно молоденькая, выпрыгнула, со всѣхъ ногъ на свѣтъ бросилась. А весна какъ разъ на хрустальный мостокъ одной ногой ступаетъ.

Увидала она старуху косматую, всю въ ледяныхъ рогахъ, испугалась. Рѣзвья ноги у ней подломились, едва до терема высокаго красавицу донесли.

Разсердилось солнце и лучами, точно раскаленными мечами, въ старуху ударило. Хорошо, что морозъ не зѣвалъ и въ самое время тѣ мечи захолодилъ. Отъ нихъ у старухи ледяные рога пообтаяли. Только и всего. А старуха-то обозлилась. Стала землю мятелями заметать, сугробы наворачивать. А морозъ помогаетъ, такъ старается, что отъ пятокъ его на всю землю трескъ идетъ.

И подъ этотъ вой и трескъ крѣпко съ перепуга и уста-

лости спится веснѣ въ ея теремѣ высокомъ съ серебряной крышечкой и золотой маковкой.

А солнце къ Богу подкатывается, заступиться за весну просить:

— Безъ Твоей помощи ей, какъ травинкѣ тоненькой, какъ былинкѣ слабой, зиму не побороть, а зима злая все живое позамучила, холодно и голодно на землѣ стало.

И послалъ Господь Милостивый на подмогу солнцу вѣтеръ изъ теплыхъ райскихъ странъ. Что подъ солнцемъ таяло, то вѣтеръ-свистунъ раньше, чѣмъ зима опять успѣвала заморозить, до суха сушилъ.

А послѣ того, какъ солнышко около рая побывало, все святыя такъ у рѣшетки съ херувимами и остались стоять. Стоять святыя и все слушаютъ, что тамъ на землѣ дѣлается. Хочется угодникамъ, когда время придетъ и Божій приказъ выйдетъ, людямъ помочь.

А вѣтеръ-свистунъ такъ и ходитъ по землѣ, такъ и свиститъ, землю сушить.

И вдругъ изъ-за свиста слышать святыя, кто-то пищитъ, слабо такъ попискиваетъ. Слушаютъ святыя, а кто пищитъ или поетъ, разобрать не могутъ. Птицы пѣвчія все до одной въ рай, и пѣть имъ въ это время не полагается. Стали святыя Богородицу спрашивать.

— Это дѣти на землѣ поютъ, весну кличутъ,—отвѣчаетъ Матерь Божія.—А только зима и ихъ позамучила, такъ пѣть по настоящему у нихъ голоса еще не хватаетъ.

Жалко стало святымъ ребятамъ маленькихъ, потолковали они между собою и съ Божьяго согласія порѣшили, когда кому выходить на землю людямъ помогать.

Первый вышелъ Василій Капельникъ, а за нимъ, въ самое первое Марта,—старица Евдокія Плюшниха съ ключами отъ

водъ подземныхъ. Идутъ по землѣ Василій съ Евдокіей, со-
сульки кругомъ такъ и позваниваютъ, ключи въ рукахъ ста-
рицы побрякиваютъ, а капель такъ и стучитъ. Игдѣ Евдокія но-
гой ступаетъ, тамъ снѣгъ осѣдаетъ, и ручейки дорожки бороз-
дятъ.

Обрадовались звону да стуку веселому дѣти, на улицу
выбѣжали и залились колокольчиками:

Жавронки, жавроночки,
Прилетите къ намъ,
Принесите намъ
Лѣто теплое.
Унесите отъ насъ
Зиму холодную.
Намъ холодная зима
Понаскучила,
Руки, ноги поморозила.

Шлепаютъ по лужицамъ маленькія ноги, кличутъ весну
дѣти.

— Кто это на землѣ точно въ колокольчики звонитъ? —
спрашиваютъ святыя.

— Это дѣти изъ рая пресвѣтлаго птицъ вызываютъ, —
говоритъ Богородица и велитъ выпускать на землю всѣхъ
птицъ поочередно.

— Ласточку только задержите. Ее Я Сама въ Свой день,
въ Благовѣщенье, къ людямъ пошлю, — говоритъ Она.

А вѣтеръ-свистунъ бѣлый паръ отъ сорока утренниковъ
къ самой райской рѣшеткѣ съ херувимами подогналъ и шеп-
четъ птицамъ, чтобы не боялись онѣ на землю летѣть.

Увидали грачи, жаворонки, скворцы и другія птицы, что
зимѣ конецъ пришелъ, что сорокъ утренниковъ противъ солнца
устоять не могли, сразу крыльями взмахнули и во всѣ сто-
роны разлетѣлись.

Разлетѣлись птицы по всей землѣ, расщебетались. Слу-

шають веселое щебетанье и малый, и старый, радуются, что весна близко. Матери напекли дѣтямъ пичугъ, бѣгаютъ дѣти съ тѣстяными пичугами по лужкамъ и поютъ, заливаются вмѣстѣ съ птицами:

Весна, весна красная,
Приди весна съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостью!

А солнце такъ и горитъ. Ледъ на рѣкахъ, какъ сахаръ, такъ и таетъ. Захотѣлось и рыбамъ на волю. Попробовала щука послѣдній ледъ хвостомъ пробить, да только не по силѣ ей это пришлось: за зиму и у нея хвостъ ослабѣлъ.

А 17-го Марта Алексѣй Человѣкъ Божій съ горъ потоки спустилъ.

Въ самое Благовѣщенье, въ самый Свой праздникъ, позвала Матерь Божія ласточку.

— Лети,—сказала Она ей,—къ терему высокому, изукрашенному съ серебряной крышечкой, съ золотой маковкой, скажи веснѣ, что полно ей спать, пускай прямо съ ключами идетъ облака да землю отпирать.

И послушалась весна приказа Богоматери. Звеня золотыми ключами, черезъ хрустальный мосточекъ перебѣжала. А солнце-то обрадовалось. Отъ радости чуть съ неба не спрыгнуло, чуть золотыми искрами не разсыпалось.

А на встрѣчу веснѣ—птицы. Такъ и щебечутъ, заливаются. А зима со всѣхъ старыхъ ногъ въ свой теремъ улепетываетъ: куда ей старой да слабой съ весной тягаться.

Весна ужъ не та, что была, когда зима ее на мосточкѣ хрустальномъ остановила.

Изъ травинки тоненькой, изъ былинки слабой стала она за это время красавицей сильной и смѣлой. И помощниковъ

у ней много. Всѣ за нее, всѣ противъ старухи зимы. Хорошо, что морозъ старую подъ руки подхватилъ. Онъ и самъ чуть живъ былъ, ну а все-таки только съ его помощью кое-какъ старыя ноги зиму до ея терема донесли.

Играетъ вода въ овражкахъ, играетъ душистый сокъ въ бѣлоствольныхъ березкахъ, земля въ глубинѣ оттаиваетъ, лишнюю воду съ долинъ въ себя принимаетъ. Весенній вѣтеръ почку у деревъ разбиваетъ. Проснулись сверчки, проснулся и медвѣдь въ своей берлогѣ, переднія лапы на солнышко выставилъ, сонными глазами смотритъ, какъ Василій Парійскій старается—землю парить.

Хорошо стало на землѣ за то время, что медвѣдь въ берлогѣ спалъ. Хорошо, да не очень. Съ голоду Мишенькѣ животь подвело. Ъсть хочется, а ѣсть нечего. Да и не одному ему голодно, всѣмъ плохо приходится. Зима все подобрала, все повыскребла, на столахъ щи пустыя, въ хлѣву — солома съ крышъ.

На 23 Апрѣля выгнали первый разъ скотину въ поле, сдали Егорію Храброму. Онъ, милостивый, скотину жалѣетъ, пошлетъ ей на прокормъ, чтобы дотянула она до настоящей травы. А хозяевамъ ужъ не до нея. Весна пришла, пахота подошла.

Трудное это время.—Пашню пашутъ — руками не машутъ,—говоритъ русская пословица... Чтобы съ пахотой и посѣвомъ справиться, надо все по положенью дѣлать, такъ дѣлать, какъ учатъ старые люди, у которыхъ всѣ дни рассчитаны, всѣ примѣты замѣчены и всѣ дѣла по святцамъ распределены.

Говорятъ старые люди, что на Егорія Храбраго выѣзжаетъ въ поле даже лѣнвивая соха, что Степанъ Ранопашецъ помогаетъ тому, кто въ его день, 26 Апрѣля, въ полѣ рабо-

таеть, а 1 Мая на Еремѣя-Запрягильника каждая рабочая лошадь или быкъ должны стоять подъ ярмомъ.

О томъ, когда сѣять, у старыхъ людей свои примѣты. Развернулся дубовый и березовый листъ съ полушку, можно приниматься за посѣвъ. Хорошо этотъ посѣвъ начинать 2-го Мая со дня памяти Бориса и Глѣба. Въ этотъ день и соловей на самой зарѣ начинаетъ пѣть. Хорошій это день.

Первымъ сѣютъ овесъ. Любить овесъ, чтобы его сѣяли въ сырую землю. — Топчи овесъ въ грязь, онъ будетъ князь, — вотъ что говорится въ одной старинной пословицѣ, а въ другой говорится, что когда лягушка квачетъ—овесъ скачетъ.—

Иногда съ посѣвомъ приходится обождать. Но когда бы ни сѣяли, сѣять всегда и вездѣ начинаютъ съ молитвой. Всегда въ день посѣва среди чернаго поля со свѣже-вспаханной землей заблеститъ чаша и во всѣ стороны, переливаясь на солнцѣ, брызнетъ съ кропила святая вода.

— Благослови, Боже, и помилуй насъ, — говоритъ батюшка, а крестьяне молятся, чтобы земля принесла зерно, всколыхала его большимъ колосомъ, выростила.

Кончился молебень, и какой-нибудь старый старикъ бросаетъ для почина въ освященную землю первыя зерна. Бросаетъ и шепчетъ:

— Зароди, Господи, на всѣ души грѣшныя, на всякаго проходящаго, заходящаго, на калѣкъ, на нищихъ, на братью имущую и не имущую.

Послѣ этой починной засѣвки, сѣютъ все время, пока на деревьяхъ не распустится листъ, а какъ листъ полонъ, такъ и сѣять полно.

А сколько работъ и хлопотъ въ Маѣ, кромѣ посѣва. Въ Ирину-Разсадницу надо капусту посадить, да какъ садить, не

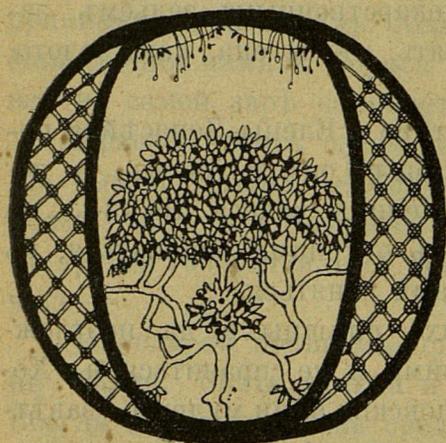
забыть приговаривать: — Не будь голенаста, а будь пузаста, не будь пустая, а будь тугая, не будь красна, а будь вкусна. — 9-го Мая, на Николу Вешняго, всякую ужь траву изъ земли повыгонить, оттого онъ и травнымъ завется, а 10-го въ день Симона Зилота надо разнымъ лекарственнымъ зельемъ запастись, да еще и пшеницу посѣять, чтобы она, какъ золото, была.

А вотъ и 21-ое, день Константина и Елены-Леносѣйки подошелъ. Надо ленъ сѣять, чтобы былъ онъ и тонокъ, и дологъ, и бѣль, волокнистъ, какъ Аленыны волоса. На 23-ье, въ день Леонтія-Огуречника, нужно съ огурцами управиться, въ дни Св. Засимы и Савватія пчелами заняться.

И столько этихъ дѣлъ всякихъ спѣшныхъ, да неотложныхъ, что человѣку самому съ ними и не справиться бы. Хорошо, что помогаютъ ему слова дѣдовскія, рѣчи мудрыя — завѣтныя, да и сама весна. Изъ своего терема высокога, изукрашеннаго, съ серебряной крышечкой и золотой маковкой она и людямъ, и звѣрямъ, и всему, что живетъ, радость приноситъ. А радость силъ прибавляетъ. Весною все на ладъ идетъ, всякое дѣло по плечу приходится.

Пришла весна съ радостью, радостью великою, и всякій ей по своему свою веснянку поетъ.

Н. Манаскина.



Наша груша.

(Со словинскаго).

ТЧЕГО на нашей милой
Старой грушѣ не бывають
Пусты вѣтки ни весною,
Ни зимой, ни лѣтомъ,
Ни осеннею порою?
Что тому причиною?
Пусть отвѣтитъ, кто умѣетъ!

Или вѣтки нашей груши
И плоды ихъ—золотые?
Или чары злой колдуньи
Въ это дѣло замѣшались?
Нѣтъ! и вѣтки нашей груши,
И плоды не золотые,
Да и чары злой колдуньи
Въ этомъ дѣлѣ непричинны.
Просто—вѣтки нашей груши
Всѣ цвѣтовъ полны весною,
Воробьевъ—порою лѣтней,
Осенью—воришекъ,
А зимою—
Драгоцѣнныхъ снѣжныхъ перловъ.

Н. Новичъ.

Кошка, ходившая въ одиночку.

(Окончаніе).

Слѣдующею ночью Кошка отправилась черезъ Сырые Дремучіе Лѣса, спряталась по близости отъ Пещеры и пролежала до утра, когда Человѣкъ, Лошадь и Собака отправились на охоту. Женщина въ это утро была очень занята стряпней, а ребенокъ плакалъ и мѣшалъ ей. Она вынесла его изъ Пещеры и дала ему играть цѣлую пригоршню круглыхъ камешковъ, но ребенокъ продолжалъ плакать.

Тогда Кошка вытянула мягкую лапку, слегка ударила ею ребенка по щечкѣ, и онъ сталъ гулить. А Кошка начала тереться объ его толстыя колѣнки и щекотать ему его толстенькій подбородокъ своимъ хвостомъ.

Ребенокъ засмѣялся, а Женщина услышала его смѣхъ и улыбнулась.

Тогда Летучая Мышь—маленькій, висящій вверхъ ногами нетопырь—прильнувшая къ камню у входа въ Пещеру, сказала:

— О, моя Хозяйка и Жена моего Хозяина и Мать Сына моего Хозяина, Дикое Существо изъ Дремучихъ Лѣсовъ удивительно хорошо играетъ съ твоимъ ребенкомъ.

— Да будетъ благословенно это Дикое Существо, кто бы оно ни было,—сказала Женщина, выпрямляя спину.—Я такъ занята сегодня, и оно оказало мнѣ большую услугу.

И въ ту же самую минуту сухая конская шкура, висѣвшая, хвостомъ внизъ, у входа Пещеры, вдругъ оборвалась и упала—*хуиз!*—потому что помнила она о договорѣ, заключенномъ Женщиной съ Кошкой. А когда Женщина пошла, чтобы

поднять конскую кожу, то Кошка уже сидѣла самымъ уютнымъ образомъ въ Пещерѣ.

— О, моя Врагиня, и Жена моего Врага, и Мать Сына моего Врага,—сказала Кошка,—это я. Вѣдь ты произнесла слово въ мою похвалу, и теперь я могу сидѣть въ Пещерѣ всегда и вѣчно. Но, все-таки, я та же Кошка, ходящая въ одиночку, и для которой все мѣста равны.

Женщина очень разсердилась, плотно сжала губы, вытащила прялку и стала прядь.

Но Ребенокъ опять заплакалъ, такъ какъ Кошка ушла, и Женщина не могла его унять; онъ барахтался, толкался и весь посинѣлъ отъ крика.

— О, моя Врагиня и Жена моего Врага, и Мать Сына моего Врага,—сказала Кошка,—возьми волокно изъ нити, которую ты прядешь, привяжи къ ней ступочку съ твоего веретена и начни катать ее по полу, и я покажу тебѣ фокусъ, который заставитъ твоего Ребенка смѣяться такъ же громко, какъ онъ теперь плачетъ.

— Я такъ и сдѣлаю,—сказала Женщина,—потому что сила моихъ больше нѣтъ, но я не стану благодарить тебя за это.

Она привязала нить къ маленькой глиняной ступочкѣ и стала катать ее по полу, а Кошка начала бѣгать за ступочкой ударять ее лапками, отбрасывать назадъ черезъ плечо, подкатывать ее подъ себя, пропуская между задними лапками, дѣлать видъ, что теряетъ ее, и перекувыркиваясь черезъ голову, снова набрасываться на нее. (Она дѣлала это до тѣхъ поръ, пока Ребенокъ не засмѣялся такъ же громко, какъ передъ тѣмъ плакалъ, не поползъ за Кошкой на четверенькахъ и не сталъ рѣзвиться, гоняясь за нею по всей Пещерѣ). Наконецъ онъ усталъ и заснулъ съ Кошкой въ рукахъ.

— Теперь,— сказала Кошка,— я спую Ребенку пѣсенку, которая убаюкаетъ его на цѣлый часъ.— И она стала мурлыкать громко и низко, низко и громко, пока Ребенокъ не заснулъ.

Женщина улыбалась, глядя на нихъ обоихъ и сказала:

— Удивительно хорошо это было сдѣлано. Нечего сказать, ты очень ловка, о Кошка!— И въ ту же минуту, и въ ту же самую секунду дымъ отъ Огня въ глубинѣ Пещеры спустился, какъ облако, съ потолка внизъ—*nyfffig!*— такъ какъ Огонь помнилъ о договорѣ, заключенномъ Женщиной съ Кошкой.

А когда дымъ разсѣялся,— Кошка сидѣла возлѣ самаго огня самымъ уютнымъ образомъ.

— О, моя Врагиня и Жена моего Врага, и Мать Сына моего Врага,— сказала Кошка,— это я. Вѣдь ты произнесла второе слово въ похвалу мнѣ, и вотъ я могу сидѣть у жаркаго огня въ глубинѣ Пещеры теперь всегда и вѣчно. Но я, все-таки, та же Кошка, ходящая въ одиночку, и для меня всѣ мѣста равны.

Тогда Женщина очень, очень разсердилась, распустила свои волосы, подложила дровъ въ огонь, вытащила широкую плечевую баранью кость и стала колдовать, чтобы не дать себѣ произнести третьяго слова въ похвалу Кошкѣ. Это не была пѣснь заклинанія, это была молчаливая и тихая ворожба, и мало-по-малу въ Пещерѣ настала такая тишина, что маленькая крошка-мышка выползла изъ угла и стала бѣгать по землѣ.

— О, моя Врагиня и Жена моего Врага, и Мать моего Врага,— сказала Кошка,— эта маленькая мышъ тоже составляетъ принадлежность твоего колдовства?

— Ой! Ш-ш! Конечно, нѣтъ!— закричала Женщина и уронила баранью лопатку, и вскочила на скамейку, стоявшую передъ огнемъ, и стала заплетать свои волосы съ необычно-

венной быстротой, изъ страха, чтобымышь по нимъ не побѣжала.

— Мяу,—произнесла Кошка, наблюдая,—я думаю,мышь не повредитъ мнѣ, если я ее съѣмъ?

— Нѣтъ—сказала Женщина, плетя косу,—съѣшь ее скорѣе, и я вѣчно тебѣ буду благодарна.

Кошка сдѣлала прыжокъ и схватила мышку, а Женщина сказала:

— Тысячу разъ благодарю тебя. Даже первый Другъ не достаточно скоръ, чтобы такъ ловить мышей, какъ ты это сдѣлала. Ты очень умна.

Въ ту же минуту и секунду молочный горшокъ, стоявшій возлѣ огня, треснулъ и развалился пополамъ, —*дзынь!*—такъ какъ онъ помнилъ о договорѣ, заключенномъ Женщиной съ Кошкой; и когда Женщина соскочила со скамейки, Кошка лакала теплое молоко, оставшееся въ одномъ изъ черепковъ

— О, моя Врагиня и Жена моего Врага, и Мать моего Врага,—сказала Кошка,—это все я же, такъ какъ ты произнесла три слова въ похвалу мнѣ, и я могу отнынѣ пить теплое молоко трижды въ день теперь и всегда, и вѣчно. Но *все-таки*, я та самая Кошка, которая ходитъ себѣ въ одиночку, и всѣ мѣста для меня равны.

Тогда Женщина засмѣялась и поставила Кошкѣ чашку теплаго блага молока и сказала:

— О, Кошка! ты ловка и умна, какъ человѣкъ, но вспомни, твой договоръ не былъ заключенъ съ Человѣкомъ и съ Собакой, и я не знаю, что они сдѣлаютъ, когда вернуться домой.

— А мнѣ что за дѣло?—сказала Кошка.—Разъ, что у меня есть свое мѣсто въ Пещерѣ у огня и теплое молоко трижды

въ день, я не стану заботиться о томъ, что съѣлають Человѣкъ и Собака.

Вечеромъ, когда Человѣкъ и Собака пришли въ Пещеру, Женщина разсказала имъ всю исторію о договорѣ, а Кошка сидѣла у огня и улыбалась.

Тогда сказалъ Человѣкъ:

— Да, но вѣдь она не заключила договоръ со мною и ни съ однимъ настоящимъ человѣкомъ, кромѣ меня.

И онъ снялъ свою кожаную обувь и вынулъ каменный топорикъ (это составляетъ три предмета) и досталъ кусокъ дерева и разложилъ все это въ рядъ и сказалъ:

— Теперь мы заключимъ *нашъ* договоръ. Если ты не будешь ловить мышей, находясь въ Пещерѣ теперь, послѣ и всегда, я буду бросать въ тебя этими четырьмя предметами, когда бы ни увидаль тебя, и также будетъ поступать всякій настоящій человѣкъ.

— А,—сказала Женщина, прислушиваясь,—Кошка очень ловка, но не такъ ловка, какъ мой Мужъ.

Кошка пересчитала всѣ четыре предмета (видѣ у нихъ былъ самый шишковатый и угловатый) и сказала:

— Я буду ловить мышей, находясь въ Пещерѣ теперь, и потомъ, и всегда, но *все-таки*, я Кошка, ходящая въ одиночку, и всѣ мѣста для меня равны.

— Не тогда, когда я по близости,—сказалъ Человѣкъ.—Если бы ты этого послѣдняго не сказала, я бы спряталъ эти четыре вещи и на это время, и на послѣдующее, и навсегда, но теперь я буду бросать въ тебя мою обувь и мой топорикъ (что составляетъ три предмета), когда бы я тебя ни встрѣтилъ. И такъ будетъ поступать всякій настоящій человѣкъ и послѣ меня.

Тогда сказала Собака:

— Подождите минутку. Она еще не заключила договора со мною или съ какой-нибудь другой настоящей Собакой.— Она оскалила зубы и продолжала:

— Если ты не будешь ласкова къ Ребенку, когда я нахожусь въ Пещерѣ теперь, и потомъ, и всегда, я буду гоняться за тобой, пока не схвачу тебя, а схвативъ, стану кусать. И такъ будетъ поступать всякая настоящая Собака и послѣ меня.

— А,— сказала Женщина, прислушиваясь,— Кошка очень ловка, но не такъ ловка, какъ Собака.

Кошка пересчитала собачьи зубы (они имѣли видъ очень острый) и сказала:

Я буду ласкова съ Ребенкомъ, находясь въ Пещерѣ, если только онъ не станетъ слишкомъ больно теревить меня за шерстку теперь, и потомъ, и всегда. Но *все-таки*, я Кошка, ходящая въ одиночку, и всѣ мѣста для меня равны!

— Не тогда, когда я близко,— сказала Собака.— Если бы ты не сказала послѣднихъ словъ, я бы закрыла ротъ сейчасъ же и не открыла бы его на тебя и потомъ, и никогда, но *теперь* я буду загонять тебя на дерево, гдѣ бы ни встрѣтила. И такъ будутъ поступать всѣ настоящія Собаки и послѣ меня.

Тогда Человѣкъ бросилъ своей обувью и каменнымъ топорикомъ (что составляетъ три предмета) въ Кошку, и Кошка выбѣжала изъ Пещеры, а Собака погналась за нею и загнала ее на дерево.

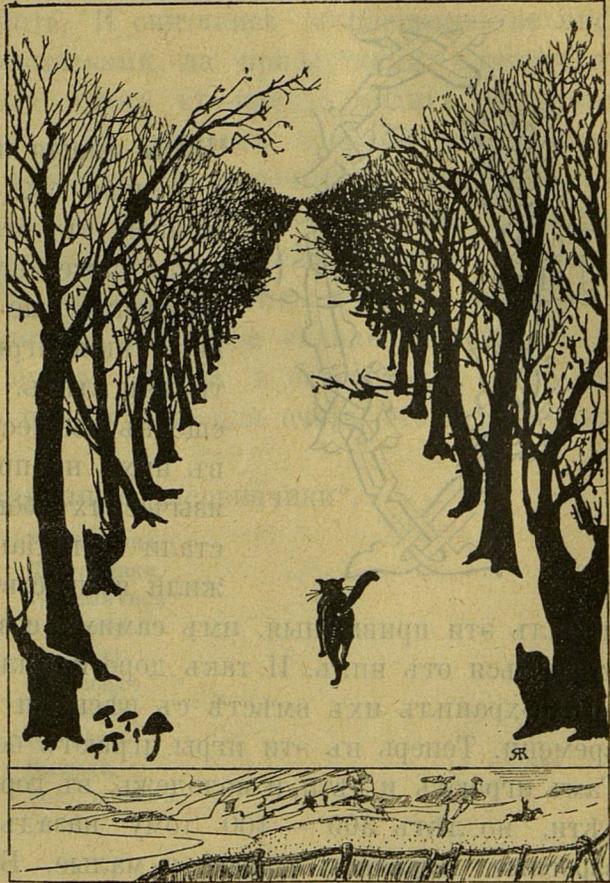
И съ того самаго дня и до нашихъ дней трое людей изъ пяти всегда бросаютъ чѣмъ-нибудь въ Кошку, гдѣ бы ни встрѣтили ее, и всѣ настоящія собаки загоняютъ ее на дерево. Но Кошка исполняетъ свой договоръ. Находясь въ дому, она убиваетъ мышей и ласкова съ дѣтьми, если они не теревятъ ее больно за шерстку. Но исполнивъ все это, по временамъ, когда всходитъ луна и приходитъ ночь, она становится снова Кошкой,

ходящей въ одиночку, и всѣ мѣста для нея равны. Тогда она уходитъ въ Сырые Дремучіе Лѣса или къ сырѣмъ темнымъ деревьямъ, или на сѣрыя крутыя крыши, помахивая своимъ дикимъ хвостомъ и ступая по своей дикой тропѣ.

Этотъ рисунокъ изображаетъ Кошку, ходившую въ одиночку въ ту минуту, когда она идетъ по своей дикой тропѣ черезъ Сырые Дремучіе Лѣса и помахиваетъ своимъ дикимъ хвостомъ. Въ рисункѣ нѣтъ ничего болѣе, кромѣ еще поганокъ. Онѣ тамъ росли, потому что въ Лѣсахъ было очень сыро. Комкообразный предметъ на нижней вѣткѣ — не птица. Это мохъ, росшій тамъ, потому что въ Лѣсахъ было очень сыро.

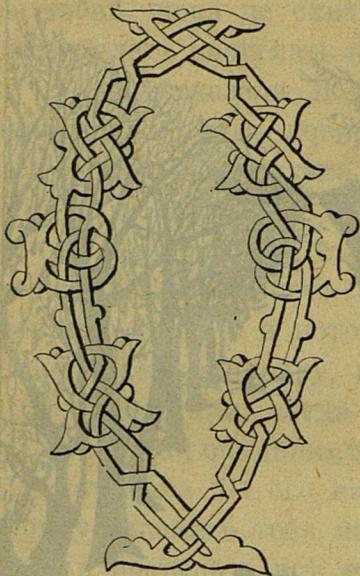
Подъ большимъ рисункомъ находится маленькій, изображающій уютную пещеру, въ которую Человѣкъ и Женщина переселились, когда у нихъ родился Ребенокъ. Это была ихъ лѣтняя Пещера, и передъ нею они посѣяли пшеницу. Человѣкъ ѣдетъ верхомъ за коровой, которую надо привести домой, чтобы подоить.

Онъ поднялъ руку и зоветъ Собаку, которая переплыла черезъ рѣку на другой берегъ, отыскивая кроликовъ.



Съ англійскаго перевелъ А. Меншиовъ.

Забытыя игры.



ЧЕНЬ многія изъ игръ, въ которыя и теперь еще играютъ дѣти, сложились въ старыя, старыя годы, когда даже нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ еще на свѣтѣ не было. Есть такія игры, которымъ больше тысячи лѣтъ. Сложились игры эти еще въ языческія времена, играли въ нихъ на праздникахъ въ честь языческихъ боговъ. Потомъ русскіе стали христіанами, но игры пережили язычество. Народъ слишкомъ

любилъ эти привычныя, имъ самимъ созданныя игры, чтобы отказаться отъ нихъ. И такъ дороги были ему эти игры, что онъ сохранилъ ихъ вмѣстѣ съ пѣснями и донесъ до нашего времени. Теперь въ эти игры играютъ больше въ деревняхъ. Тамъ играютъ и дѣти, и молодежь, въ городахъ играютъ одни дѣти, но лѣтъ 300 — 400 тому назадъ ими забавлялись и взрослые. Играли и старыя, и малыя. Было это въ ту пору, когда на Руси женщины и дѣти сидѣли взаперти по теремамъ. Никого они не видали, кромѣ своихъ, самыхъ близкихъ, ни къ кому не ходили, на улицахъ не показывались. И вотъ, среди этой скучной затворнической жизни самымъ любимымъ

развлеченіемъ были игры. Играли и въ коршуна, играли въ гусей, лебедей и въ волка съраго, и въ палочку-выручалочку. Эти игры и теперь въ ходу. Дѣти ихъ очень любятъ. И какъ сотни лѣтъ тому назадъ, собираясь играть, прежде всего считались, такъ и теперь считаются, чтобы знать, кому начинать, какъ роли распредѣлить. И считались обыкновенно не цифрами, а разными присказками да прибаутками. Станутъ въ кружокъ или сядутъ, и одинъ кто-нибудь ходитъ, присказку по словамъ говорить и съ каждымъ словомъ или слогомъ поочередно тычетъ пальцемъ въ кого-нибудь изъ тѣхъ, кто собрался играть. Тотъ, на кого упало послѣднее слово или слогъ, считается вышедшимъ по жребію. Иногда въ такихъ прибауткахъ и смысла, какъ будто, нѣтъ, а ихъ не забываютъ, все ими считаются, потому что слова складно подобраны, да и смѣшныя иногда очень, иногда и остроумныя. Одинъ изъ самыхъ старинныхъ прибаутокъ для счета, это первинчики-другинчики.

Вотъ они, эти старинные „первинчики“.

Первинчики,
Другинчики,
Голубинчики
На насту.
На кусту,
По лебедю
Крылатому
Шинель,
Вышелъ,
Вонъ пошелъ.

Или же:

Первинчики,
Другинчики,
Летали голубинчики
По Божьей росѣ,
По поновой полосѣ.

Тута
Въ чашкѣ
Орѣшки,
Медокъ,
И ледокъ.
Поди вонъ сахарокъ (или королекъ).

А были еще и „Перво-чики“:

Перво-чики,
Друго-чики.
На рѣчкѣ заяцъ
Сорвалъ травку,
Положилъ на лавку.
Кто взялъ,
Кто не взялъ.
Родіонъ,
Пошелъ вонъ.

Или „Таня-баня“:

Таня-баня.
Что подь нами,
Подъ желѣзными столбами?
Танчикъ-мальчикъ,
Самъ корольчикъ,
Онъ и ѣдетъ ко дворамъ,
Колокольчикомъ звенить.

Или:

Бхалъ.
Мужикъ
По полю,
Потерялъ
Колесо
И спрашиваетъ:
Сколько
Спиць?

А еще „зайцемъ“ считались:

Заяцъ
Мѣсяцъ
Сорвалъ,
Травку
Положилъ

На лавку.
Кто возьметъ,
Тотъ
И вонъ
Пойдетъ.

Что значать всё эти „Первинчики-Другинчики“, „Первичики“ и „Тани-бани“, быть можетъ, и никогда, никто не понималъ, но слова, точно колокольчики, и считать ловко. Ну и считали. Да и теперь считаютъ. Вспомнать, когда нужно, старинную прибаутку и отсчитываютъ. И не удивляются, что заяцъ сорвалъ мѣсяцъ, что гдѣ-то подъ желѣзными столбами сидитъ какая-то Таня-баня невѣдомая, что голубинчики бѣлыми лебедями разлетѣлись. Сказка вѣдь это, а въ сказкѣ всякое бываетъ.

Среди старинныхъ игръ, кромѣ такихъ, въ которыя играютъ и теперь, есть, если вспомнить и поискать, полузабытыя или совсѣмъ забытыя. Это, какъ въ бабушкиномъ сундукѣ: кажется, ужъ все пересмотрѣно, все до послѣдняго лоскуточка перерыто, а пороешься, и всегда найдешь что-нибудь, если и не новое, то ужъ такое забытое, что вмѣсто новаго можетъ сойти.

Вотъ, на примѣръ, игра въ „Крыночки“. Это—игра едва ли не одна изъ самыхъ старинныхъ, самыхъ затѣйливыхъ и любимыхъ игръ. Въ теремахъ безъ „Крыночки“ дня не проводили. А играли въ эту „Крыночку“ такъ. Прежде всего, понятно, считались, чтобы знать, кому бабушкой котовой, кому дѣтками, а кому котомъ быть. Потомъ сговаривались, гдѣ изба, гдѣ баня. Запасались крыночкой съ молокомъ.

Когда все приготовятъ, тогда и игру начинали. Котова бабушка-доможилка старая садилась въ своей избѣ вмѣстѣ съ котомъ молоко караулить. Только котъ не до конца сидѣлъ; посидитъ немного и изъ избы прочь пойдетъ. Бабушка одна остается.

А дѣтки около крынки похаживаютъ, въ крынку заглядываютъ, вокругъ бабушки увиваются.

— Дай, бабушка, молочка,—просятъ.

— Не дамъ,—отвѣчаетъ бабушка.—Молоко мнѣ, старой, самой надобно. Не могу я корки грызть. У меня зубовъ давно нѣту.

— Хоть глоточекъ дай, хоть капельку,—просятъ дѣти.

— Не дамъ, ничего не дамъ,—ворчитъ бабушка. — Зубы у васъ молодые, корочекъ погрызите.

Видятъ дѣтки, что бабушку не пронять, и на обманъ, на хитрость пускаются:

— Бабушка! Гдѣ твой котъ?—спрашиваютъ дѣти.

— Пошелъ дѣтей качать,—отвѣчаетъ бабушка.

— А не хочешь ли ты, бабушка, въ баньку?—соблазняютъ дѣти старуху. Знаютъ, что старая любить въ банькѣ попариться.

— А какая у васъ банька?—спрашиваетъ бабушка.

— Наша баня золотая, каменка у ней кафельная, топили ребята по семи дней, а жару въ ней для семи деревень. Прелесть, что за банька, лучше и выдумать трудно.

— А какой вѣникъ?—допрашиваетъ бабушка.

— Вѣникъ шелковый, шелку Шамаханскаго, отобранъ у татарина въ ордѣ, заброшенъ на боярскій дворъ, съ боярскаго двора къ намъ принесенъ.

Ну и вѣникъ! Банька хороша и вѣникъ ей подстать. Не можетъ больше устоять старая, встаетъ съ своего мѣста, а дѣти ее подхватываютъ подъ руки и ведутъ въ баню.

Парится бабушка въ банѣ, а дѣти молоко выпиваютъ и крыночку разбиваютъ. Тѣмъ временемъ котъ домой возвращается. Видитъ черепки и бабушку зоветъ—громко мяучить.

Почуяла бабушка бѣду, изъ бани со всѣхъ ногъ броси-

лась, а дѣтки, какъ увидѣли старую, всѣ, кто куда, разбѣжались. Бѣгаетъ за ними бабушка со своимъ котомъ, похитчиковъ оба ловятъ. Кого перваго поймаютъ, тотъ для слѣдующей игры уже бабушка, а второй котъ.

Вотъ и вся игра.

Такъ въ нее въ старину играли, а теперь, кому захочется, всякій можетъ, играя, прибавить въ нее и свои выдумки. Хорошо попробовать „крыночку“ на воздухъ. Избушку тогда можно въ какихъ-нибудь кустахъ выбрать и для баньки хорошей уголокъ найти. Да и бѣгать, когда котъ съ бабушкой станутъ дѣтей ловить, на воздухъ куда лучше, чѣмъ въ комнатѣ.

Можно попробовать и въ „Мышку“ сыграть.

Для этой игры участниковъ всегда долженъ быть нечетъ: трое или пятеро.

Если участниковъ трое, то двое выбираютъ себѣ подъ норки углы въ комнатѣ. Третій по жребію—водырь. Водырь ходитъ изъ угла въ уголь и спрашиваетъ:

— Мышка, мышка, продай уголокъ.

— Не продаженъ,—говоритъ мышка, если почему-нибудь не хочетъ или боится рисковать.

Идетъ водырь къ другой мышкѣ.

— Продай уголокъ.

Если мышка согласна продать, то отвѣчаетъ:

— Повернись-ка спиной.

Водырь оборачивается спиной, а самъ насторожился, прислушивается. Чуть зашуршало, это значитъ, что мышки норками мѣняются собрались.

Стали мышки изъ одной норки въ другую перебѣгать, а водырь раньше ихъ хочетъ въ норку попасть. Попадеть и сдѣлается эта норка его домкомъ, а мышка, прогулявшая свое мѣсто, становится водыремъ.

Игра въ голуби.

Играющіе выбираютъ голубя, голубку, голубятокъ и ястреба. Голубь, голубка и голубятки поселяются въ гнѣздѣ. Выберутъ играющіе какое-нибудь мѣсто и согласятся, что это гнѣздо. Кругомъ него бродятъ голубятки, пробуютъ летать, помахиваютъ крылышками. А голубь съ голубкой попеременно летаютъ за кормомъ. Улетитъ голубь. Останется мать съ голубятами, а тутъ, откуда ни возмись, ястребъ. Налетѣлъ ястребъ, схватилъ голубенка и тащитъ къ себѣ. А на выручку голубенку торопится отецъ. Голубь начинаетъ бороться съ ястребомъ. Отобьетъ голубенка,—назадъ возьметъ. Не отобьетъ,—однимъ голубенкомъ въ гнѣздѣ станетъ меньше. Игра продолжается, пока ястребъ не отниметъ всѣхъ дѣтей.

Игра эта очень шумная и очень увлекательная. Случается, что ястребъ слишкомъ входитъ въ свою роль и черезчуръ треплетъ голубей.

Лиса въ норкѣ.

Играющіе выбираютъ лису. Назначаютъ ей норку, гдѣ лисѣ полагается стоять на одной ногѣ.

Лиса въ норѣ, а играющіе ходятъ вокругъ, лису дразнятъ, за платье хватаютъ, лаютъ по собачьему, въ ладоши хлопаютъ. Лиса подпрыгиваетъ на одной ногѣ, протягиваетъ руку и старается кого-нибудь хлопнуть. Играющіе увертываются и смотрятъ во все глаза, не встала бы лиска на обѣ ноги или для удобства ногу бы не перемѣнила. Только замѣтятъ что-нибудь, такъ и кричатъ:

— Лиска, въ норку, лиска, въ норку.

И лиса идетъ опять назадъ въ норку, и опять ее дразнятъ, и опять она выпрыгиваетъ на одной ногѣ изъ норки и старается кого-нибудь хлопнуть. Кого ударить, тотъ вмѣсто нея станетъ лиской, а старая лиска идетъ со всѣми дразнить новую въ ея норкѣ.

Вотъ нѣсколько старинныхъ игръ.

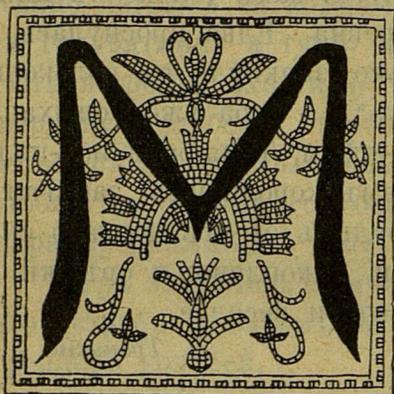
Залежались, заваялись эти дѣдовскія игры, стали, какъ неживыя. Но это ничего. Онѣ оживутъ, какъ только въ нихъ заиграютъ. Онѣ, какъ спящая царевна. Едва проснулася, а вокругъ уже все засуетилось. Только звякнули въ колокольчики какихъ-нибудь „первинчиковъ“, а игра уже услышала, поняла, и—шу!—бѣлые лебеди полетѣли, Таня-баня изъ-подъ желѣзныхъ столбовъ вылѣзла, самъ-корольчикъ забѣгалъ. Это игра ожила, и тому, кто разбудилъ ее отъ долгаго сна, она отдаетъ все, что у нея вѣками накоплено: и орѣшки, и медокъ, и ледокъ, и шутки, и смѣхъ, и веселье.

Н. Троицкій.

Испанскія дѣтскія пѣсенки.

У каждаго народа есть свои старыя пѣсенки и прибаутки. Ихъ часто поютъ и говорятъ дѣти, когда соберутся вмѣстѣ, чтобы поиграть. Нѣсколько такихъ испанскихъ пѣсенокъ и приговоровъ прислалъ намъ поэтъ Бальмонтъ.

Вотъ они:



I.

ОТЫЛЕКЪ, мотылекъ.

Роза съ головы до ногъ,
Быль крылатъ и быль ты смѣль,
Вотъ на свѣчку налетѣль.
Мотылечекъ здѣсь?—Я здѣсь.

Ишь ты, какъ наряденъ весь.

Рубашенокъ сшилъ?—А вотъ.

Ну, теперь начнемъ мы счетъ.

Сколько сшилъ?—Всего одну.

Это, значитъ, на луну.

Цѣлыхъ двѣ. Для солнца—три.

Ну, сочти ихъ, и бери.

II.

Сестрица лягушка!

Что надо подружка?

Гдѣ мужъ твой изъ водъ?

Явился и ждетъ.

Наряденъ ли онъ?
Какъ свѣжій лимонъ.
Къ обѣднѣ пойдемъ.
Не знаю я, въ чемъ.
Пойдемъ подъ конецъ.
Замкнулся ларецъ.
Такъ пирь! Гдѣ вода?
Жбанъ скрылся. Бѣда.

К. Бальмонтъ.

Бабочка въ шкапу.

БАБОЧКИ, сами похожія на красивые пестрые цвѣты, проводятъ всю жизнь среди цвѣтовъ, на просторѣ, подъ небомъ и солнцемъ. Цѣлыми днями бабочки летаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, дышатъ ихъ ароматами, питаются ихъ сокомъ, качаются на тонкихъ стебляхъ, слушаютъ несмолкаемую музыку насѣкомыхъ и пѣніе птицъ, собираются веселыми стаями и носятся, куда глаза глядятъ, купаясь въ солнечныхъ лучахъ. Такъ живутъ дневныя бабочки. Ночныя тоже живутъ на волѣ, въ зелени, среди цвѣтовъ, только вмѣсто солнца надъ ними луна и звѣзды, а красота и просторъ все тѣ же. Чудная жизнь дана бабочкамъ. Лучше, пожалуй, и придумать трудно. А между тѣмъ, есть на свѣтѣ бабочки, которыя живутъ совсѣмъ по другому. Заберутся въ шкапу, въ ящикъ комода или въ мебель и устраиваются тамъ такъ, точно этотъ пыльный, темный и скучный уголокъ самое пріятное мѣсто на свѣтѣ. Эта бабочка съ страннымъ вкусомъ называется молью. Моль знаютъ всѣ и всѣ одинаково не любятъ и боятся этой комнатной бабочки, потому что она портитъ вещи. Вмѣсто цвѣточного сока, которымъ питается всякая порядочная бабочка, она сама, а главнымъ образомъ ея дѣти, — гусеницы, поѣдаютъ волосъ, шерсть, чешую, рогъ и перья. Моль портитъ шубы, шерстяныя вещи и мебель въ домахъ и поѣдаетъ цѣлыя коллекціи въ музеяхъ. Еще Аристотель, греческій

философъ, жившій въ IV вѣкѣ до Рождества Христова и занимавшійся естественными науками, писалъ о томъ, что „въ шерстяныхъ матеріяхъ, особенно если онѣ пыльныя, заводится моль“.

Вотъ почему одинъ видъ маленькой сѣрой бабочки вызываетъ цѣлый переполохъ въ домѣ. Мелькнетъ крошечное созданіе, и на нее сейчасъ же устраивается цѣлая облава. Захлопаютъ руки, засуетятся люди, задвигаютъ мебель. И часто вся суета оказывается напрасной. Моль необыкновенно проворна. При малѣйшемъ шумѣ она летитъ въ темный уголокъ и, попавъ на какую нибудь матерію, быстро скользитъ по ней и безслѣдно скрывается въ складкахъ.

Во время такого переполоха никому и въ голову не придетъ рассмотреть моль, а между тѣмъ она прехорошенькая, и вся красота ея, какъ и у всѣхъ бабочекъ, въ крыльяхъ. Ихъ у нея двѣ пары: заднія и переднія. Заднія крылья одноцвѣтныя, свѣтло-сѣрыя, точно серебряныя, а переднія, узкія и острыя, съ бахромкой по краямъ, очень часто имѣютъ фіолетово-бурую окраску. Въ спокойномъ состояніи крылья прикрываютъ туловище въ видѣ крыши или плаща. Головка у домашней моли пушистая, усики короткіе, въ видѣ ниточекъ, хоботокъ едва обозначенъ. Моли хоботокъ и не нуженъ. Необходимы ей челюстные щупальцы, и у нея они развиты хорошо, выступаютъ впередъ и могутъ складываться, какъ карманный ножикъ.

Чтобы класть яички, моль выбираетъ темныя, тихія мѣстечки, гдѣ лежитъ то, что необходимо для пропитанія ея дѣтей. Изъ яичекъ выходятъ гусеницы, похожія на бѣлыхъ червяковъ. Гусеница почти голая, съ очень рѣдкими волосиками на туловищѣ, голова у нея бурая, а ножекъ отъ семи до восьми паръ.

Гусеница дѣлаетъ себѣ гнѣздышко изъ паутины вмѣстѣ съ шерстью, волосомъ или какими-нибудь другими подходящими ей для питанія веществами. Въ такомъ гнѣздышкѣ или чехольчикѣ гусеница проводитъ всю жизнь, высовываясь изъ него только въ тѣхъ случаяхъ, когда ей нужно поѣсть. Гусеница моли очень прожорлива и выѣдаетъ обыкновенно вокругъ своего домика все, что только можно съѣсть. Когда же запасъ пищи приканчивается, она со своимъ домикомъ передвигается на новое мѣсто. И живетъ такъ, портя все вокругъ себя, пока не превратится въ куколку. Куколка ничего не портитъ, потому что не двигается и ничего не ѣстъ, но изъ нея выходитъ новая моль, у которой будутъ новыя прожорливыя дѣти—гусенцы.

Вотъ почему, оберегая вещи отъ порчи, надо прежде всего мѣшать летающей моли положить туда свои яички, а потомъ, если они уже положены, то какъ можно скорѣй удалить ихъ вмѣстѣ съ гусенцами и куколками. Для этого прежде всего надо почаще провѣтривать и чистить вещи, которыя любитъ моль. Хорошо съ этой цѣлью устраивать и сквозняки, потому что моль любитъ тишину, покой и всякое, даже самое ничтожное движеніе ее пугаетъ. Боятся моли и разныхъ сильнопахучихъ веществъ: нафталина, табаку, камфары и пачули. Но самое страшное для моли—это солнце и шумъ. Этого она перенести не можетъ. И когда, въ солнечные весенніе или осенніе дни, выносятъ на воздухъ все, что залежалось въ темнотѣ и пыльных углахъ, для моли приходитъ смерть.

Ярко и весело свѣтитъ солнце, и на дворѣ такъ хорошо, что кажется даже старыя кресла, диваны и тѣ радуются, что ихъ вытащили изъ душныхъ комнатъ, а моль и ея дѣти—въ отчаяніи. Послѣ этой тихой жизни въ темномъ уголку—и вдругъ сразу такой свѣтъ, такое солнце, такой шумъ. А

туть еще эти камышевки. Такъ и хлопають, такъ и раззоряють уютныя гнѣздышки. Отхлопами, вычистили щеткой и потащили назадъ мебель и вещи. Рады люди, что повывели моль. А она нѣкоторыя яички такъ позапрятала, что до нихъ не добратся. Изъ нихъ въ темнотѣ и тишинѣ опять повыведутся новыя моли.

Кромѣ домашней моли, къ семейству бабочекъ принадлежатъ и другіе виды молей. Видовъ этихъ очень много и все это тѣ же крошечныя бабочки, какъ и домашняя моль. Моли эти получили свои названіи отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ и имѣють гусеницъ. Есть моли огородныя, фруктовыя—смородинныя, яблоневыя, лѣсныя и амбарныя.

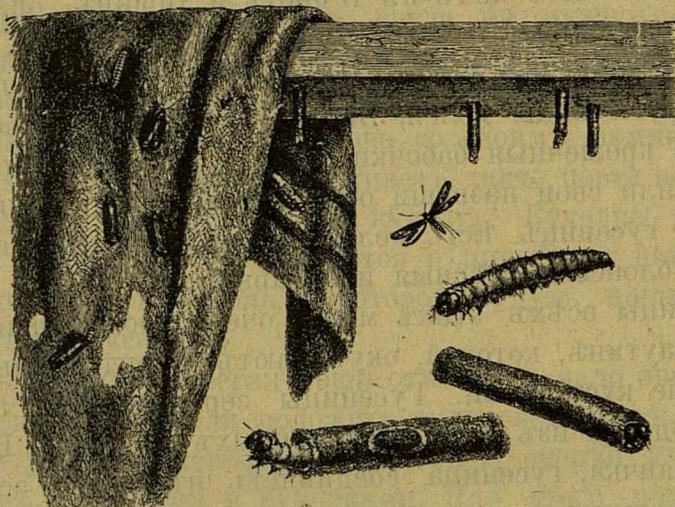
Гусеницы всѣхъ этихъ молей очень прожорливы и живутъ въ паутинѣ, которой, окутываютъ иногда цѣлыя вѣтви и маленькіе кустарники. Гусеницы зерновой или амбарной моли выводятся изъ яицъ, положенныхъ въ зерно. Вылупившись изъ яичка, гусеница соединяетъ нѣсколько зеренъ въ пучекъ, окутываетъ ихъ паутиной и, пожирая зерна, живетъ въ этомъ гнѣздышкѣ до своего превращенія въ куколку.

Вообще, всѣ моли приносятъ вредъ и убытокъ. Ихъ боятся и въ комнатахъ, и въ амбарахъ, и въ кладовыхъ, и въ фруктовыхъ садахъ, и въ огородахъ, и въ лѣсу, потому что повсюду онѣ разводятъ своихъ прожорливыхъ гусеницъ. Очень красивая, напримѣръ, лѣсная моль, единственная изъ всѣхъ молей, которая любитъ солнце, бабочка съ блестящими зелеными крылышками, имѣетъ дѣтей, которыя ничуть не лучше, чѣмъ дѣти самой сѣренькой моли. Гусеницы лѣсной моли прогрызають ходы между верхней и нижней кожицей листа, послѣ чего эти мѣста измѣняются въ цвѣтѣ.

Если такихъ гусеницъ много, то онѣ могутъ испортить

всю листву. Борьба съ такими моляма такъ же трудно, какъ и съ домашней молью,—и много труда, заботъ и хлопотъ стоитъ человѣку одолѣть крошечную бабочку.

К. Соколовъ.



Ковровая моль, ея гусеницы—голая и въ мѣшочкахъ,
вверху коконы съ куколками.

Рѣшеніе ребуса № 2.

Добрая слава лежитъ, а худая бѣжить.

Народныя загадки.

9. Скоро ѣсть, мелко жуесть, сама не глотаесть, а другіе сыты бываютъ?

10. На улицѣ горбушка, въ избѣ ломонокъ?

11. Кто въ избѣ родится, безъ отца безъ матери, что само дѣлается, безъ топора, безъ клина, безъ ножичка?

12. На стѣнѣ въ избѣ сидитъ и на улицу глядитъ?

13. Синій мундиръ, бѣлая подкладка, въ серединѣ сладко?

14. Стоитъ мостъ на семь верстъ, на мосту столбъ, на столбу цвѣтъ на весь свѣтъ?

15. Стоитъ градъ на востокъ широкими дверьми, около него много воинства, у каждаго воина по копью, идетъ родъ Адама, отнимаетъ у нихъ все имѣніе. Вышнему слава, земному также?

16. Бѣленькая собачка, на хвостикѣ желвачекъ?

Вѣсы. Открыта подписка на 1908 годъ, пятый годъ изданія на ежемѣсячный журналъ искусствъ и литературы. Вступая въ пятый годъ изданія, «Вѣсы» остаются вѣрны своей программѣ и будутъ издаваться при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. «Вѣсы» за недорогую подписную цѣну (пять рублей въ годъ за 12 книгъ) даютъ художественное изданіе, печатаемое на лучшей бумагѣ верже, причемъ въ каждомъ № помѣщаются художественно выполненные черныя и красочныя воспроизведенія картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ журналѣ печатаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, біографіи писателей и художниковъ, статьи по общимъ вопросамъ и богатая бібліографія, освѣтляющая всѣ выдающіяся новыя книги, которыя появляются на языкахъ русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, норвежскомъ и др. Въ всѣхъ главныхъ городахъ Европы у «Вѣсовъ» есть собственные корреспонденты. Въ 1908 году въ «Вѣсахъ», между прочимъ, будетъ напечатано: «Огненный Ангелъ», историческій романъ Валерія Брюсова, часть 2-я, главы XI—XVI. (Новые подписчики часть I этого романа, главы I—IX, могутъ получить бесплатно). — Неизданные отрывки (авторизованный переводъ съ англійской рукописи) изъ «Тюремныхъ Записокъ» Оскара Уайльда. — «Сизокрылый голубь», повѣсть изъ современной жизни Андрея Бѣлаго. — «О Лермонтовѣ», критическое изслѣдованіе Д. Мережковскаго. — «Сказки» Александра Блока. — «Куранты Любви» лирическая поэма М. Кузмина. — Новые рассказы Ѳ. Сологуба, С. Ауслендера, З. Гиппіусъ и др. — Новые стихи К. Бальмонта, Валерія Брюсова, Вяч. Иванова и др. — Новые рисунки К. Сомова, С. Сундейкина, Н. Миліоти, Карла Вальзера, Н. Теофилактова и др.

Подписная цѣна на годъ (12 книгъ) пять рублей съ пересылкой по всей Россіи; на полгода — три рубля. Допускается разсрочка. Всѣ подписчики «Вѣсовъ» при покупкѣ книгъ, изданныхъ к—вомъ «Скорпіонъ» (болѣе 50 изданій), пользуются скидкой отъ 15% до 50%. Адресъ главной конторы: Москва, Театральная площ., д. Метрополь, кв. 23, книгоиздательство «Скорпіонъ». Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Садовая, 18, книжный складъ «Комиссіонеръ». Редакторъ-издатель С. А. Поляковъ. 3—1

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„ТРОЦА“

СПБ. Басковъ пер. 6, уголь Надеждинской

ТЕЛЕФОНЪ 86 — 37

ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 🌀 УЧЕБНЫЯ КНИГИ И
ПОСОБІЯ 🌀 ПИСЬМЕННЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

ЗАКАЗЫ ПИСЬМОМЪ И ПО ТЕЛЕФОНУ НА ВСѢ
ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ КНИГИ И ИЗДАНІЯ

ДОСТАВКА НА ДОМЪ

Отъ кохторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятыя рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старыи адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-й р., къ 1-му Мая.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовыя марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ

Открыта подписка на 1908 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

III-й г.
издан.

ТРОПИНКА

III-й г.
издан.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждого мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

Аллего, К. Бальмонтъ, А. Вахтгаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Андрей Вѣлый, Л. Вѣльскій, О. Вѣляевская, Л. Васильевскій, Э. Венгерова, пр.-доц. А. Генкель, И. Гинцбургъ, З. Гиппиусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, проф. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасина, Д. Мережковскій, В. Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Навсѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Гр. Петровъ, Э. Пименова, Д. Потѣхинъ, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, Ф. Сологубъ, С. Соловьевъ, В. Успенскій, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, О. Химона, Е. Юнге и мн. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ.

И. Вилибинъ, Т. Гиппиусъ, С. Городецкій, В. Замирало, Е. Кавось-Зарудная, Е. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Несеровъ, П. Соловьева (Аллего), М. Сабашникова, Е. Чичагова, Е. Юнге и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставк. и пересылк. 3 руб.,
на полгода 2 руб., заграницу 5 руб.

 Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. 

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Ж. Манасина*.